

Майя Кладова

12+

Тихие омуты

Первая книга серии "Тайны старых берегов"

Тайны старых берегов

Майя Кладова

Тихие омуты

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кладова М.

Тихие омуты / М. Кладова — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Тайны старых берегов)

ISBN 978-5-532-06785-1

Моя жизнь в тихом поселке у Ладожского озера была размеренной и спокойной... пока однажды я не проснулась ночью, связанная, на дне моторной лодки. Кому понадобилась я, ничем не примечательная девчонка? И как получилось, что неожиданно спасенная одной из одноклассниц, с которыми у меня были не самые лучшие отношения, я оказалась втянутой в старую тайну этих мест и в жизни других людей? Кто бы мог подумать, что из омута моих давних внутренних переживаний меня вытянут преследования, страхи, разгадки секретов прошлых лет и даже обнаружение сокровищ...

ISBN 978-5-532-06785-1

© Кладова М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Майя Кладова

Тихие омуты

Глава 1

Я проснулась внезапно от звука мотора. В нос ударил запах сырости. Пробуждение было таким резким и грубым, будто меня вытащили из теплой мягкой постели и резко окунули в холодную воду. Практически так и было наяву. Надо мной разливалось ночное небо с изгибающейся яркой молодой луной. Я приподняла голову и увидела перед собой темный силуэт. Человек сидел ко мне спиной и вел моторную лодку, на дне которой я и лежала.

Закрыв глаза, я попыталась снова погрузиться в сон, чтобы проснуться там, где я засыпала. «Ведь этого не может быть со мной наяву», – подумала я.

Рев мотора не утихал. Говорят, чтобы понять, что ты не спишь, нужно себя ущипнуть. Почувствуешь боль – значит, действительно, не спишь. Я пошевелила рукой и поняла, что не только запакована в спальный мешок, что сделала сама и добровольно, засыпая вчера в палатке. Мой спальный мешок еще и стянут на уровне рук.

«Меня что, связали?» – с ужасом подумала я.

Я судорожно сглотнула и резко сделала вдох, чтобы закричать, но не смогла открыть рот: видимо, он был заклеен скотчем.

«Где я, кто это, что происходит? – слова стучали у меня в голове, сердце заколотилось с бешеной скоростью. – Куда меня везут, кто этот человек?»

Между тем лодка приблизилась к берегу, мотор стих. Человек повернулся ко мне, я снова попыталась закричать, но получилось только хриплое мычание. Человек молча достал меня из лодки, перенес на берег, положил на землю. Его лица разглядеть я так и не смогла.

Через мгновение я увидела в руках моего похитителя нож в свете фонаря. Я зажмурилась. «Ну, вот и все...» – пронеслось в мыслях.

Почему-то перед моими глазами не пронеслась вся моя жизнь, как это бывает с людьми на грани жизни и смерти. В голове прокрутились события только последних суток: видимо, мое подсознание не могло смириться с нелогичностью происходящего.

Солнечное утро в доме бабушки в поселке на Ладого, блинчики с творогом на завтрак. Потом – сельская школа, куда я ходила уже девятый месяц после переезда из Москвы. Классы, уроки, обед. После обеда – поход, куда мы отправились с одноклассниками и парой учителей. Костер, военные песни от нашего физрука. Горячий чай, после которого меня сморил сон, и я ушла в палатку. Все. А дальше – то, что происходило сейчас. Я – на земле, на каком-то острове, а надо мной замахнулся ножом человек. Я зажмурилась еще крепче.

Вдруг на меня упало что-то тяжелое, я распахнула от ужаса глаза и снова испуганно замычала. Тут же я поняла, что на меня свалился тот самый человек, что секундой раньше стоял надо мной с ножом. Чьи-то руки вытащили меня из-под упавшего груза, и я услышала голос своей одноклассницы Лерки Ладыгиной:

– Что за?.. Колесникова, ты, что ли?..

Меня резко ослепил свет фонаря, и тут же фонарь погас. «Вот черт», – сказала Лерка и стала на ощупь разрезать веревки на моих руках, попутно расстегивая спальный мешок.

Тем временем то, что упало рядом со мной минутой раньше, застонало. Лерка дернула меня за руку и закричала:

– Бежим!

Я выбралась из спального мешка и, шатаясь, попятилась назад.

– Ты куда, в лодку бежим, пока этот не очнулся! – еще громче заорала моя так неожиданно появившаяся одноклассница.

Гонимые страхом, мы вскочили в лодку, Лера завела мотор, и мы помчались по воде. Холодные брызги стали хлестать по лицу, отрезвляя и постепенно выводя меня из легкого ступора после пережитого потрясения.

Я, съезжившись, сидела в дальнем углу и смотрела на свою одноклассницу, которая уверенно вела лодку. Несмотря на то, что еще днем раньше я испытывала к ней скорее неприязнь, нужно было признать, что ее навыки меня удивили. «Есть девушки в русских селениях», – подумала я. Обернувшись назад, я поняла, что на берегу уже ничего не могу разглядеть.

«Неужели это происходит со мной?.. Поздравляю, Майя, это что-то новое в твоей жизни», – сказала я себе.

Мне казалось, что я вижу происходящее как бы со стороны: ночное небо, темное озеро, лодка, в которой сидят две девочки. Одна из них, покрупнее, уверенно управляет достаточно недетским средством передвижения, а другая, худая и невысокая, вжалась в самый угол, как загнанный трусливый зверек.

– Ты там как, жива, все норм? – прокричала Лерка, обернувшись на меня. Я вяло покивала.

Надо признать, что все же для меня это не «норм», и за мою недолгую почти пятнадцатилетнюю жизнь это первый случай, когда я не понимаю, что происходит вокруг меня.

Я росла послушным и вдумчивым ребенком. Любимой родителями и старшим братом, но не избалованной. Мой папа был менеджером, мама – врачом. Мама часто уходила на дежурства в больницу, а папа оставался допоздна на работе, успешно строя карьеру. Но в моей жизни было все организовано и продумано.

И даже когда в нашей семье случилось несчастье, и моих мамы и папы не стало, забравшие нас с братом к себе родители отца смогли окружить меня абсолютной заботой и вниманием.

Уже восемь месяцев я жила в частном доме бабушки и деда недалеко от Ладожского озера. Одну из самых сильных школ Москвы я поменяла на обычную школу в поселке Ленинградской области. Здесь я была круглой отличницей. Помимо учебы остальная школьная жизнь меня не занимала.

Пойти в поход меня уговорил дед. Он считал, что мне пойдет на пользу немного развеяться и пообщаться с одноклассниками. Дед всегда вспоминал с теплотой и гордостью свое пионерское детство с линейками, походами, кострами, песнями о светлом будущем.

Так я и отправилась в лесной поход со своим классом. Уже на первом километре пути я поняла, что сделала это зря. Толпа одноклассников шла шумно и вразнобой. Мальчишки наскакивали друг на друга, падали, сбивали с ног девчонок. Те орали, гнались за обидчиками, чтобы отомстить. Потом снова сбивались в кучки, смеялись.

Я же чувствовала себя абсолютно чужой. Постепенно я отделилась от общей массы и стала идти рядом с учительницей истории, которая и задумала это мероприятие.

Когда мы достигли места, определенного на карте в качестве площадки для лагеря, все занялись установкой палаток. На удивление, это умели делать и мальчишки, и девочки. Я снова ощущала себя бесполезной и ненужной: у меня, домашнего ребенка, подобных навыков не было.

Спать я пошла самой первой. Само собою получилось, что палатку я делила с учительницей истории Анной Кирилловной и одноклассницей Полиной Петровой, которая во сне громко храпела и традиционно отселялась от себя одноклассниками во всех походах.

Думаю, дед бы очень удивился, если бы узнал, насколько он был далек от обещанного мне счастья. Особенно если бы ему стало известно, как я провожу последние минут сорок.

Тут мне пришло в голову вполне возможное объяснение происходящего. А может, это шутка? Одна из тех, которые так любят отпускать мои одноклассники?

Когда я перевелась в эту школу, у меня не было никакого желания знакомиться и общаться с другими учениками. Я отвечала односложно на их вопросы о том, как меня зовут, откуда приехала, где живу. Я переехала потому, что мне сказали, что так нужно. Приходила в школу потому, что нужно было получать образование.

Постепенно расспросы одноклассников стали сходиться на «нет». А потом надо мной вдруг стали подшучивать. Иногда как будто случайно моя сумка во время перемены оказывалась в другом конце класса, и мне приходилось отыскивать ее после звонка на урок. Время от времени прежде, чем сесть на свое место, я обнаруживала на стуле разлитый клей.

Я стала носить с собой в сумке упаковку влажных салфеток, ножницы, нитку с иглой, булавки. Вооружившись против всевозможных вариантов попадания в нелепые ситуации, я снова шла в школу. Я ни разу не пожаловалась на проделки своих одноклассников учителям. Возможно, поэтому потихоньку подобные выходки одноклассников прекратились. Меня просто не трогали, не разговаривали со мной, не замечали. Меня это устраивало.

И вот сейчас я вдруг оказалась в совершенно непредсказуемой ситуации, вырвавшей меня из сплетенного мною и ставшего привычным кокона.

Глава 2

Между тем лодка причалила к берегу, мотор стих. Лерка, моя спасительница (или нет?) легко спрыгнула на берег и крикнула мне:

– Вылезти сможешь сама?

Я, шатаясь, встала, отряхнулась, взяла в охапку спальный мешок и тоже выбралась на берег.

Осмотревшись, я поняла, что это совсем не тот берег, откуда меня похитили.

«Шоу продолжается? – подумала я. Мне вдруг стало нестерпимо жаль себя. – Сколько можно издеваться надо мною? Я же им ничего не сделала...»

– Колесникова, ты все же скажи, что это за триллер? – послышался голос Лерки, – может, так все и было задумано, и я зря прыгнула в воду тебя спасти? Вдруг это у тебя игры такие?

На моих глазах выступили слезы.

– Вот уж не знаю, чьи это игры, и что в этом смешного, – еле сдерживаясь, чтобы не расплакаться, ответила я.

– Да уж, в чистом омуте, как говорила моя бабушка, черти водятся... ладно, пошли, – одноклассница стала пробираться через кусты вглубь леса.

Я оставалась стоять на берегу, обхватив руками свои вещи и озираясь по сторонам.

– Ну, ты где? – Лерка выглянула из кустов, – чего стоишь-то? Пойдем.

– Зачем? – тихо спросила я. Мне кажется, получилось это у меня жалобно, – куда теперь я должна идти? Вы что-то еще придумали?

Лерка на несколько секунд замолчала, потом промычала что-то неопределенное.

– Мы? Кто «мы»? – тут она как будто догадалась. – Ты что, решила, что это твои одноклассники решили тебе такой ночной квест придумать?

Лерка усмехнулась.

– Ты, Колесникова, конечно, важная персона в школе, и все такое, но до такого даже мы бы не додумались, – вздохнув, одноклассница подошла, взяла меня за руку и повела за собой.

Я выдернула руку, но все же пошла за ней следом, чувствуя, что по щекам текут слезы.

– Ты испугалась, что мы не туда вернулись? – спросила Лерка.

Я кивнула, но в темноте, конечно, одноклассница этого не увидела. Мое молчание она приняла за согласие.

– Наш лагерь недалеко, отсюда дойдем пешком, – пояснила она. – Этот, даже если очнулся, не пустится вплавь, долго ему придется плыть, да еще после того, как я его по голове фонарем ударила. Фонарь-то у него тяжелый. Жаль, он от удара сломался, и я не смогла разглядеть его лица.

– Мобильной связи здесь нет, – продолжала Лера, на ходу раздвигая колючие ветки кустов и придерживая, чтобы я их перехватила, – так что полицию все равно не вызвать, если только пройти около километра на холм, вот там ловится мобильник. Пойдешь звонить? Надо, наверное, чтобы поймали этого маньяка по горячим следам, пока далеко не ушел.

Я отрицательно покачала головой. Меня снова охватил пережитый страх. Я вспомнила, как совсем недавно лежала на земле под ножом, похищенная и связанная. Пусть это малодушно, но мне совершенно не хотелось сейчас думать ни о каких похитителях, маньяках и ком-то еще. Мне было холодно и хотелось одного: оказаться дома, в кресле, под пледом, чтобы слышать, как бабушка напевает песни, и как шипит масло на сковородке под блинчиками, а дед рубит дрова во дворе...

– Как хочешь. Только мне нужно подсохнуть, – снова вернула меня в реальность Лерка, – в мокрых штанах мне все же, мягко говоря, некомфортно. Я сразу прыгнула с берега в воду, когда завелась лодка. Как-то не пришло в голову, что нужно бы раздеться. Не каждый день,

точнее, не каждую ночь увидишь погрузку в лодку недвижимых связанных тел... так ты говоришь, не знаешь его? Лица его не разглядела? Зачем он тебя уволок?..

Я молчала. Слезы от пережитого, которые уже всю лились по лицу, душили и не давали сказать ни слова. К тому же лицо неприятно щипало и саднило от сдернутого со рта скотча. Я вытерла щеки рукавом, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула.

«Нужно успокоиться», – строго сказала я себе и представила, как будто это мне сказала директор моей прошлой школы. Это мне всегда помогало. Я даже как будто увидела перед собой ее лицо в очках и с глубокими морщинами на переносице.

«Вроде Лера ни при чем, – уже спокойнее думала я, шагая вслед за одноклассницей вглубь леса, – кто тогда это придумал? Кому это нужно? Неужели действительно маньяк?»

Тут я подумала, что я-то хотя бы сухая. А вот моя одноклассница прыгнула в ледяную воду и сейчас, наверняка, замерзла и, скорее всего, заболеет. Мне стало стыдно за свои подозрения и захотелось поблагодарить Леру, но тут она внезапно остановилась.

Перед нами возник небольшой бревенчатый домик. Лерка засунула руку в дупло стоящего поодаль дерева, достала ключ и отворила скрипучую дверь.

– Заходи. Об этом приюте рыбака знаем только я и мой папа. Так что считай себя посвященной, тебе повезло, – сообщила она торжественно.

– Да уж, – промямлила я, но в дом зашла и сразу наткнулась на что-то твердое. Я ойкнула, а Лерка, вздохнув, убрала с моего пути какой-то табурет и предложила мне на него сесть, чтобы ей не мешать. Я так и сделала, обхватив себя руками.

– Лер, тебе же, наверное, холодно, – сказала я впервые спокойным голосом, – как ты вообще смогла плыть в такой ледяной воде?

– За меня не волнуйся, – послышался из глубины дома голос одноклассницы, шуршащей чем-то и со звоном извлекающей из погреба какие-то банки, – я с пяти лет занималась синхронным плаванием, а еще последние два года мой папа увлекся моржеванием и меня приобщил. Да и я о себе сейчас позабочусь. Лерка, наконец, показалась на пороге с мешком.

– Пошли, – скомандовала моя одноклассница, и я поплелась за ней.

Глава 3

Через десять минут мы сидели возле костра. Джинсы и футболка Лерки сохли на сушилке, сооруженной из палок и веревок. Как оказалось, из дома Лера принесла в холщовом мешке дрова, спички, котелок, две старые кружки, пакет с сушками и банку тушенки. Одноклассница, временно завернутая в мой спальный мешок, с аппетитом уминала тушенку.

Я смотрела на Лерку и испытывала легкую зависть. Захотелось вдруг стать такой же беззаботной, любоваться на звезды, есть консервы из банки, облизывая ложку. Такой я помнила себя в детстве, когда приезжала к деду и бабушке во время папиного отпуска. Тогда я всем верила, бегала по траве, играла в куклы. Тут же я похолодела, приложив к себе руку. Нет, все в порядке. Любимая кукла, положенная во внутренний карман куртки, прощупывалась с левой стороны груди.

«Не потеряла», – успокоилась я.

Это был мой талисман, а также прабабушки, бабушки и мамы. Кукла Лиза. По случайности она оказалась со мной в походе. С пластмассовым простым личиком и тряпочным набитым ватой тельцем, по внешности она, конечно, проигрывала современным игрушкам. Но она была семейной реликвией, и всегда занимала почетное место на полке в моей комнате. Старенькая, потрепанная, она как будто несла в себе тепло тех, кто так сильно и нежно любил меня.

Первой хозяйкой Лизы была моя прабабушка Лена. Кукла была с ней всегда. Когда прабабушке было пять лет, началась блокада Ленинграда. Сидя в бомбоубежище и слыша рев вражеских истребителей, маленькая Лена обнимала куклу, тихонько пела ей песни и таким образом сама успокаивалась.

Когда прорвали блокаду, прабабушку вместе с ее мамой эвакуировали из блокадного Ленинграда. Где-то неподалеку от места, где я сейчас находилась, по замерзшей Ладоге ехала маленькая Лена в машине, прижимая к себе свою куклу Лизу, под вражескими обстрелами с неба. Именно поэтому вчера я принесла куклу на Урок Памяти, который проходил в нашей школе в преддверии Дня Победы в Великой Отечественной войне. Кто-то их одноклассников принес фотографии прадедушек и прабабушек, их ордена, письма.

После урока все разместили свои реликвии на выставке в школьной библиотеке, но я не решилась оставить там Лизу, как ни уговаривала меня учительница истории.

Под насмешки одноклассников я положила куклу во внутренний карман ветровки и с ней вместе отправилась в поход после уроков, потому что времени забежать домой не оставалось. Программу памятных мероприятий в школе придумали достаточно насыщенной.

Получается, талисман действует, и сегодня я спаслась от похитителя благодаря Лизе, которая была рядом. Я снова посмотрела на сидящую у костра одноклассницу. Ну и благодаря Лере, что уж кривить душой.

Моя спасительница тем временем доела тушенку и стала черпать кружкой из висящего над костром котелка. Потом вспомнила про меня и протянула дымящуюся кружку мне. Я с благодарностью взяла. Лерка покопалась в принесенном из домика мешке и извлекла еще одну кружку. Затем протянула мне пакет с сушками. Я отрицательно помотала головой. Есть мне не хотелось.

– Ничего, – сказала Лерка, – скоро вернемся к нашим, соберемся и пойдем домой. Там тебя мама накормит так, как ты любишь. Наверное, карбонара, смузи, маффины и все такое? – В ее голосе вновь почувствовалась привычная издевка.

– Мамы нет, – отозвалась я тихо, сжав кружку в руках. – Я живу с бабушкой и дедом.

Лера перестала жевать.

– Извини, я не знала, – удивленно сказала она.

– Ничего, – отозвалась я. – Мои папа и мама пропали во время командировки в горный Алтай год назад. Фрагменты их машины обнаружили в пропасти за 20 километров от места, где их ждали. Их самих не нашли. Под той горой протекает быстрая река с порогами, так что... сказали, что шансов у них не было. Поисковые службы работали в том районе три недели, ничего и никого больше не обнаружили.

Я говорила все это и удивлялась, что рассказываю о случившемся в подробностях совершенно постороннему человеку. Может быть, это потому, что я испытывала к Лерке благодарность за свое спасение. А может, я устала носить в себе эту боль. Случившееся сегодня как будто встряхнуло меня, и я выпустила из себя напряжение последнего года. Мне не стало легче. Просто раньше я была, как натянутая струна, а теперь как сдувшийся шарик, валяющийся в кустах и безразличный к своему будущему.

Первый месяц после известия о случившемся с родителями я постоянно смотрела карту в Интернете и порывалась лететь на то самое место в алтайских горах. Я бросалась к телефону на каждый вызов или часами стояла у окна. Через два месяца я впала в депрессию и пролежала несколько недель на кровати. Потом дедушка и бабушка забрали меня сюда, в поселок на Ладогe, в свой дом. Старший брат Дима перевелся в профильный военный университет из Москвы в Петербург, чтобы быть ближе ко мне.

– Слушай, ты извини, я не знала, – голос Лерки вывел меня из воспоминаний, – ну и вообще, ты извини, что мы, наверное, перегибали в отношении к тебе с ребятами. Ты приехала из Москвы... вся в фирменных тряпках. Не хотела ни с кем общаться, как будто мы, деревенские, тебе не ровня. Ну, мы и стали подшучивать над тобой.

– Да, спасибо, ваши шутки очень забавные, – съязвила я.

– Нет, ну теперь понятно, что тебе особо не до общения было. Правда, мы же не знали. Давай проси, что хочешь, мы придумаем, как извиниться.

– Это ты проси, что хочешь, ты мне, похоже, жизнь спасла, – ответила я.

Меня снова передернуло от воспоминаний о том человеке с ножом. Не то чтобы я очень держалась за свою унылую жизнь. Но сам процесс разрезания меня на части точно не привел бы меня в восторг. Лучше бы это случилось как-то внезапно и сразу. Я быстро оглянулась. Предраассветный лес тихо шелестел листьями, начинали просыпаться и щебетать птицы.

– Да не бойся, не станет он нас догонять, – Лерка поняла, о чем я думаю. – Скоро уже пойдем. Ты в полицию-то будешь заявлять? Ты вообще не подозреваешь, кто это мог быть?

Я покачала головой.

– Может, это вообще маньяк, и ему все равно, кого похищать?..

– В общем-то, в темноте все одинаковые, тем более, в спальнях мешках. Мог бы историчку прихватить, – стала размышлять Лерка, прощупывая свои джинсы и пытаясь понять, высохли ли они. – Она же рядом с тобой спала в палатке. Хотя, конечно, твои очертания в мешке куда изящнее, чем у Анны Кирилловны и у Полинки. А может, это маньяк, помешанный на чистоте леса. Сначала наблюдает, как бездушные люди, вроде нас, жгут костры, ставят палатки, а потом выходит в ночи и хватает одного из нарушителей неприкосновенности природы...

Здесь нас обоих передернуло, мы стали озираться по сторонам.

– Пойдем-ка, Лер, – негромко сказала я, чувствуя, как во мне поднимается страх, причем за нас обеих.

Лерка кивнула, натянула джинсы, и мы стали собираться.

Вопреки ожиданиям, нашего отсутствия в лагере никто не заметил. Под пение птиц и дружное похрапывание мальчишек – одноклассников перед нами предстала идиллическая картина: рассвет, палатки, забытая физруком гитара у сосны...

– Отлично, – заметила Лера. – У них детей похищают, а они спят.

– Слушай, Лер, давай не будем никому рассказывать о том, что случилось. Я не хочу, чтобы надо мной шутили на эту тему, – попросила я, оглядывая и отряхивая свою одежду.

Лера посмотрела на меня задумчиво и кивнула.

– Хорошо, как скажешь, – она посмотрела на небо, зажмурилась на солнце и потянулась, – может, еще получится поспать.

Я благодарно кивнула и полезла в палатку. Учительница истории Анна Кирилловна подняла голову и тревожно посмотрела на меня:

– Майя? Ты где была?

– Выходила в туалет, – ответила я.

– Да? У тебя все в порядке? Ты одна ходила?

Я кивнула, легла, отвернувшись к стенке палатки, и сделала вид, что сплю. Анна Кирилловна еще повозилась за моей спиной и тоже затихла. А я вдруг почувствовала, как на меня навалилась нечеловеческая усталость, веки отяжелели, и я провалилась в сон.

Возвратились из похода домой мы к вечеру субботы. Всю обратную дорогу выспавшиеся на свежем воздухе одноклассники орали песни и иногда поглядывали на вяло плетущихся позади всех меня и Леру. Лерка шла и ворчала, что два часа сна подействовали на нее убийственно, и что лучше бы она вообще не засыпала. Я сочувственно ей покивала, понимая, что своим недосыпом она обязана мне.

Учитель истории выглядела обеспокоенной, то и дело во время пути оборачиваясь и спрашивая, все ли у меня в порядке.

– Вот пристала историчка, – тихо проворчала Лера. – За детьми надо лучше смотреть, и все будет в порядке.

Анна Кирилловна этого, конечно, не слышала, но я все же ткнула Лерку в бок.

– Лер, ты обещала, – напомнила я.

– Да помню я, не волнуйся, – ответила одноклассница, зевая.

Несмотря на то, что Лерка почти спала на ходу, она твердо заявила, что пойдет меня проводить до дома, не слушая моих возражений.

– Нет уж, доведу твое спасение до конца. Я теперь чувствую себя ответственной за тебя.

Одноклассники изумленно посмотрели, как мы с Лерой вдвоем пошли к моей улице, а затем устремились в местное кафе отмечать удачное завершение похода.

Когда мы дошли до моего дома, я еще раз поблагодарила Леру, которая в ответ лишь вяло махнула рукой. Войдя в калитку, я повернула на несколько оборотов замок и вздохнула. «Мой дом – моя крепость». Здесь я действительно чувствовала себя в безопасности. Об этом позаботился мой дед, бывший милиционер. Именно милиционер, так как полицейским он успел побыть несколько лет, но это новое название ведомства к нему почему-то никак не клеилось. Он напоминал сразу всех положительных героев – милиционеров из старых советских фильмов, которые иногда смотрели мои бабушка и дедушка. Он всегда был принципиальным и непреклонным в своей борьбе за правопорядок: таким знали его все в родном поселке.

Полтора года назад дед неожиданно вышел на пенсию. «Устал», – коротко и безапелляционно сказал он бабушке. Та вздохнула с облегчением. После сорока лет постоянной тревоги за мужа, вызовов по ночам, ожиданий и даже пары ранений она восприняла его уход со службы как подарок.

Дед устроился работать ночным сторожем на базу отдыха недалеко от дома. Работа была спокойной, если не считать редких случаев, когда требовалось призвать к порядку расшумевшихся отдыхающих базы. Днем дед отсыпался и хлопотал по хозяйству на участке. Чтобы

бабушке было не страшно ночевать одной, он поставил высокий забор с острыми штыками по периметру участка и надежную толстую калитку с тремя замками и засовом.

Опустившись на лавочку у калитки, я откинула голову назад и посмотрела в голубое небо. Тут же взгляд захватил переплетение веток двух кленов, которые росли на нашем участке с незапамятных времен. На ветках уже набухли почки и вот-вот должны были прорезаться первые зеленые листики. На одном из кленов птицы свили гнездо. В воздухе настойчиво пахло весной. Из сада слышались голоса деда и брата. Я улыбнулась. «Хорошо бы вот так сидеть здесь и никуда больше не выходить», – подумала я.

– Майка, привет! – услышала я голос брата.

– Ну что, как поход? – поинтересовался дед.

Меня разморило на солнце, и я лениво промычала что-то неопределенное.

– Устала? – обрадовался дед, – значит, хорошо прошло.

Я кивнула, подняла рюкзак и медленно направилась к дому.

«Как прошло, своим не буду рассказывать. Мало им переживаний?» – решила я.

Сейчас мне хотелось только одного: добраться до своей комнаты и свалиться спать. Однако, подходя к дому, я почувствовала запах выпечки с кухни и чего-то еще вкусного и аппетитного. Бабушка, увидев меня, обрадовалась и пообещала накормить меня грибным супом. В ответ на это мой желудок громко заурчал, требуя дать ему обещанное прямо сейчас: оказывается, я сильно проголодалась.

Глава 4

В доме я с удовольствием закинула походный рюкзак в самую глубину шкафа, переоделась в мягкий домашний костюм и пошла на веранду обедать.

Съев тарелку супа и булочку с яблочным повидлом под радостным взглядом бабушки, я без сил перебралась на диван.

«Постараюсь себя убедить, что поход действительно прошел хорошо, – пронеслось в моей голове. – Не хочется думать о плохом в такой теплый вечер, да еще после вкусного обеда».

Тут я вспомнила, что кое-что пообещала Лерке. Когда мы уже подходили к моему дому, моя новоявленная подруга вдруг все-таки решила, что бы она хотела попросить в качестве так называемой благодарности за мое спасение. Ни много, ни мало, она попросила меня достать для нее на пару дней квадрокоптер с камерой. Просьба меня, конечно, обескуражила, но я обещала подумать.

Лерка меня горячо поблагодарила, видимо, уверенная, что выполнить ее просьбу я смогу легко, и что для меня вполне реально прямо сегодня найти такую специфичную дорогостоящую технику в пользование на пару дней.

«Надо же, я произвожу впечатление мажорки, никогда бы не подумала», – размышляла я.

К слову, моя семья всегда жила довольно скромно. Мама – врач в городской больнице. Папа в последние годы работал в туристическом бизнесе: сначала он трудился в петербургском филиале известной туристической фирмы, а потом его перевели в Москву.

Естественно, в столицу мы переехали вместе с ним. Двухкомнатную квартиру в Петербурге родители не стали продавать, а в Москве наша семья снимала жилье, потому что копила на первый взнос по ипотеке, чтобы обзавестись квартирой в столице.

Ну а «фирменные тряпки», как сегодня выразилась Лерка, я купила единственный раз в жизни в магазине «Секонд-хенд». В этот магазин, размещавшийся в подвальчике дома, где мы жили в Москве, меня затащила школьная подруга Сашка. Ее старшая сестра, увлекавшаяся чтением глянцевого журналов, регулярно туда захаживала в надежде разжиться пусть не новой, но брендовой вещью. Найдя в ворохе сваленной одежды джинсы и три свитера мировых марок размера «XXS», она несколько раз пыталась в них влезть. Но даже после двух недель строгой диеты ей это так и не удалось. Увидев меня, зашедшую за Сашкой, она осмотрела со всех сторон мою фигуру, вздохнула и отправила нас в тот самый подвальчик.

Я вспомнила с улыбкой, как шла и упиралась, но Сашка уверенно тянула за руку, приговаривая, что я не понимаю своего счастья. Моя мама тоже не поняла этого счастья, когда мы пришли домой с «обновками»: ей, врачу, казалось ужасно негигиеничным донашивать за кем-то одежду, пусть даже постиранную. Но что сделано, то сделано: деньги, которые выдали мне родители прошлой весной, чтобы я приделась, были потрачены.

В этой одежде я и ходила уже второй год. В то время, как другие девочки в свои тринадцать – четырнадцать лет обретали новые формы и увеличивались в длину и ширину, я только еще больше худела от переживаний.

Вот мой брат, наоборот, возмужал и стал похож почти на звезду боевиков. Я невольно залюбовалась Димкой, увидев его в окне. И сразу мои мысли сразу заработали в нужном направлении: «Димка! Он всегда знает, что и где можно достать».

Помыв тарелку и поблагодарив бабушку, я выбежала в сад. Брат, как довольный сытый кот, улыбаясь, лежал в гамаке с кроссвордом. Он уже сменил свою курсантскую форму на старые потертые джинсы и связанный бабушкой толстый свитер. С понедельника по пятницу он, как и многие его однокурсники, жил в казарме, а в пятницу после учебы приезжал к нам на выходные, отъедался и отсыпался.

Чмокнув брата в щеку, я сразу задала интересующий вопрос:

– Дим, где можно взять квадрокоптер с камерой?

Брат удивленно уставился на меня:

– Ничего себе запросы...

– Да я сама не ожидала, что понадобится. Причем срочно. Желательно завтра в четыре утра. Ну, или послезавтра, – торопливо добавила я, видя, как у Димки округляются глаза и открывается рот.

Брат несколько секунд смотрел на меня, затем промычал «Эммдааа», достал из кармана джинсов телефон и стал задумчиво листать записную книгу. Я скромно присела рядом на скамейку, возя ногой по земле и делая вид, что занята разглядыванием муравейника. Скоро я услышала, как Димка с кем-то здоровается и начинает осторожно озвучивать то, что я у него попросила.

– Хорошо, курсовую за тебя напишу. Заметано. Нужно снимать завтра прямо с рассвета, приезжайте сегодня, переночуете у нас, – брат немного отстранил телефон от уха, чтобы не слушать доносящиеся оттуда возмущения. – Не так уж далеко. Через три часа вас встречу, баню вам натоплю, шашлыком накормлю. Все, жду.

Димка положил телефон в карман и деланно заворчал:

– Чего только не сделаешь ради любимой сестры...

Я радостно взвизгнула, чмокнула его в щеку и побежала звонить Лерке, а брат, деланно вздыхая, поднялся с гамака и пошел в магазин за мясом для обещанного кому-то шашлыка.

Я же принялась за уборку в доме и устройство спальных мест для наших гостей, радуясь, что за домашними хлопотами могу отвлечься от мрачных воспоминаний.

Вечером Димка доставил к нам своего однокурсника Антона и его старшего брата, который работал телеоператором.

Пока Димка готовил шашлык, гости парились в бане. Потом вся компания уселась на веранде и стала смотреть футбольный матч.

В девять вечера меня уже клонило в сон. Я пожелала всем спокойной ночи и, пошатываясь, ушла в свою комнату. Уснула я сразу.

Мне снилась спокойная гладь озера. Я сидела на берегу и бросала в воду камешки. От бросков на воде образовывались круги: я наблюдала, как они медленно и плавно расходятся в стороны. Вдруг из озера вынырнула огромная голова с горящими глазами. Я в ужасе закричала и села в кровати. Отдышавшись, я поняла, что всю меня прошиб холодный пот: ночная рубашка была вся мокрая. Тут же стал бить озноб.

Я нащупала ногой тапки и вышла на кухню. В доме было тихо, только с веранды доносился мелодичный храп наших гостей. Я налила в стакан воды и залпом выпила: стало немного легче. Никто не проснулся от моего крика, значит, кричала я только во сне. Хотя бы это радовало: не хотелось, чтобы гости подумали, что их заманили в дом, где обитает сумасшедшая девочка, и сбежали обратно в город со своим квадрокоптером.

Часы показывали два ночи.

«Скоро уже вставать, съемка должна быть на рассвете», – вспомнила я.

Я подумала, что надо бы вымыть голову, но почему-то мне стало страшно идти в ванную. Захотелось быть поближе к людям, хоть и спящим.

«Что ж, приготовлю ранний завтрак для всех», – решила я.

Включив плиту, я принялась готовить сырники и варить кофе.

В три тридцать, как договаривались, мы повели нашу зевающую съемочную группу на берег озера. Здесь я, наконец, узнала, зачем Лере нужен квадрокоптер с камерой. Оказалось, что моя новая подруга мечтает победить во всероссийском конкурсе среди школьников на лучшее видео, посвященное Победе в Великой Отечественной войне.

Не буду скрывать, что это желание Лерки меня немало удивило. Казалось бы, столько уже было снято фильмов, спето песен, рассказано стихов о той войне. Каждый год в начале мая,

начиная с детского сада, различными памятным мероприятием нас погружали в события тех лет и рассказывали о подвиге наших прабабушек и прадедушек.

Здесь, на Ладого, к общепринятым беседам о войне и Победе еще добавлялся экскурс в историю Дороги Жизни. Именно в этих местах работала легендарная трасса. Зимой по льду, летом по воде Ладожского озера в те годы вывозили обессиленных жителей блокадного города и завозили оружие и продовольствие. Места здесь были поистине святы, об этом знал каждый школьник.

Стремление еще раз рассказать об этом стране – конечно, желание похвальное. Но можно ли сказать что-то новое? Да и так не похоже было это на Лерку...

Глядя, как моя одноклассница воодушевленно рассказывает товарищам брата о планируемой съемке и о нужных ракурсах, я еще раз удивилась, сколько неожиданного может таиться в людях.

Глава 5

Несмотря на раннее утро, на берегу собралось полкласса.

Громко зазвучала музыка, и Лера, одетая в красный закрытый купальник, стала выделять такое, что я не видела даже на соревнованиях среди чемпионов по гимнастике. Прыгая с камня на камень в воде, она кружилась, извивалась, взмахивала лентой, производя в воздухе сложные виражи. Волны беспокойной в это раннее утро Ладоги взмывались вокруг Леркиной фигурки и снова утихали.

Я смотрела на все это, затаив дыхание.

С берега на камеру Леркин танец в воде снимал Димин друг Антон, его брат же в это время управлял квадрокоптером.

После первой части съемки Лерка выбралась на берег, стуча зубами. Ее тут же окружили девчонки из класса: стали растирать полотенцем и закутывать в одеяло, кто-то засунул ее посиневшие ноги в теплые сапоги. Подбежавшие мальчишки выражали свои восхищения Леркиным танцем, тоже стремясь помочь растереть и одеть Лерку. Одноклассницы со смехом их отгоняли.

Друзья моего брата, воодушевленные состоявшейся съемкой, остались еще немного поснимать природу Ладоги. Брат стоял рядом и с гордостью что-то им рассказывал, разводя руки то в сторону леса, то к необъятному водному горизонту.

Скоро над берегом показалась машина Лериного отца.

– Ой, девчонки, поеду пока домой греться и готовиться к вечерней съемке. Спасибо вам! – все еще дрожащим от холода голосом сказала Лерка. Потом увидела меня и крикнула: «Майя, поехали со мной!»

Девчонки расступились и удивленно посмотрели на меня.

Я кивнула, подбежала к брату отпроситься к подруге, потом направилась к машине. В салоне было тепло. Леркин папа передал нам на заднее сиденье большой термос и два пластиковых стаканчика.

– Ну что, поедем ко мне завтракать, или ты не выспалась и тебя лучше подвезти до дома? – поинтересовалась у меня Лера, наливая в стакан дымящийся чай.

– Я под таким впечатлением от увиденного, что вряд ли смогу сейчас снова уснуть, – проговорила я с улыбкой.

– Тогда поехали к нам! – радостно скомандовала моя новая подруга, – у нас со вчерашнего вечера остались креветки, запеченные на гриле. Устроим торжественный завтрак.

Я немного подумала и согласилась.

Мы въехали в ворота Леркиного участка, и я с восторгом уставилась на большой деревянный дом. У меня было впечатление, что я попала в сказку. Крыльцо окружали вырезанные из дерева фигуры лесных зверей. Наличники окон были узорчатые, как будто кружевные. В них угадывались гроздья лесных ягод и переплетения цветов.

– Какая красота! – искренне воскликнула я, – я такого еще никогда не видела!

Лерин папа довольно улыбнулся.

– Это все папочка, – не без гордости сказала Лера. – Все это он сделал своими золотыми руками. Такой он у меня суперталантливый.

Мы прошли в дом. Внутри интерьер был намного проще, практически спартанская обстановка.

– В доме папа уже не успел навести такую же красоту, – пояснила Лера, как будто прочитав мои мысли, – на него как-то быстро посыпались заказы на оформление загородных домов, он едва успевает. Зато недавно зарегистрировал свою фирму, и теперь его талант приносит

прибыль официально. Но дома я его вижу редко. Вот опять поехал на объект. Оформляет дачу какому-то большому начальнику из Петербурга.

Лерка помахала рукой в окно. Вскоре мы услышали звук закрываемых ворот и шум от отъезжающей машины.

Пока подруга переодевалась и разогревала завтрак, я осматривалась вокруг. Обстановка дома Леры намного отличалась от дома моих бабушки и дедушки. Здесь не было никаких предметов интерьера: милых безделушек, подушечек, картинок, даже фотографий. Только самое необходимое: диван, стол, несколько стульев, телевизор на стене. Стол застелен голубой клеенкой, вместо занавесок – однотонные жалюзи. Чисто, но не очень уютно.

– Майя, спасибо тебе, – сказала Лера, внося из кухни большой поднос. Ты не представляешь, как много для меня значит этот конкурс.

– Пожалуйста, – ответила я. – Но это все мой брат, он за один вечер нашел нужную технику. Но ты, Лера, просто меня поразила. Откуда ты все это умеешь?

Подруга махнула рукой.

– Я занималась не только плаванием, а еще гимнастикой с трех лет, моя мама профессиональная гимнастка. И по совместительству довольно известная актриса, – добавила подруга вдруг похолодевшим голосом.

Я удивленно уставилась на Леру, а она подчеркнуто равнодушно стала раскладывать по тарелкам креветки.

– Да? Подожди... Ладыгина... Инна? Это твоя мама? – Я не переставала удивляться.

Увидев однажды эту актрису в спектакле, куда мы ходили с классом еще в Москве, я настолько была поражена пластикой, осанкой, каждым ее движением, что в тот же вечер подписалась на ее страницу в Инстаграмме. Странно, что я раньше не замечала сходства Инны и Леры. Те же вьющиеся каштановые волосы и большие светло-карие глаза, тот же точеный нос, упрямый подбородок и разлет четких бровей.

Лерка кивнула. Подруга налила себе кофе и обхватила чашку обеими руками.

– Только она с нами не живет, – прищурившись и смотря куда-то вдаль, стала рассказывать подруга. – Мама приезжает где-то раз в месяц. У нее репетиции и спектакли, ей не до нас. Здесь с нами жить она не хочет. А отцу нечего делать в городе. Там никому не нужны резные беседки и сказочные деревянные звери. Это здесь у него успешный бизнес. Он, кстати, делает и мебель, и даже статуи у него заказывают, чтобы было сходство с обитателями дома. Мы бы вполне хорошо жили без маминой зарплаты. Но она же актриса. А почти все театры находятся в Петербурге.

Я увидела, что взгляд подруги потух. Она стала гонять по столу хлебную крошку, и я вдруг заметила, что ее руки дрожат.

– И ты знаешь, – продолжала подруга, – я однажды зашла на ее страницу в социальной сети, и не увидела там себя. Ни одного моего фото. Хотя ведь сейчас модно среди актеров выкладывать фото и видео детей. Ее страница заполнена фото с выступлений, с занятий йогой, пилатесом, цветами от поклонников. Там есть даже кулич и пасхальные яйца. А меня нет. Я хочу просто посмотреть, разместит ли она хотя бы это видео, если оно займет призовое место в конкурсе... просто посмотреть и раз и навсегда решить для себя, хочу ли я общаться с этим человеком, который по документам считается моей мамой.

Лерка встала из-за стола, взяв в руки поднос и пошла зачем-то на кухню.

А я осталась сидеть, отложив вилку и нож. Так вот в чем дело, вот зачем Лерка все это устроила. Чтобы обратить на себя внимание своей мамы. Вспомнился холодный взгляд одноклассницы, когда она говорила о той.

«Обижается, но любит и надеется, что мама все же будет жить с ними», – поняла я. Тут я почувствовала, что на глаза навернулись слезы. Их кухни вышла Лерка с чайником в руках, но увидев меня, поставила его на комод, не донеся до стола, подошла ко мне и взяла за руку.

– Майя, извини, – сказала она, вздохнув. – Вот я эгоистка. Тебе, наверное, больно такое слушать. Наверное, думаешь, что я делаю трагедию на пустом месте, в то время как у тебя такое произошло с твоей мамой. Не надо было мне тебе это рассказывать.

Я покачала головой:

– Все в порядке. У каждого свои обстоятельства.

Думала ли я так на самом деле? Я думала о том, что лучше, когда точно знаешь, что твои родители где-то есть. Пусть даже за сотни километров. И о том, как важно ценить то, что ты имеешь в данный момент жизни. Но почему-то часто и упорно люди ищут причины считать себя несчастными.

«А я ищу такие причины? Не слишком ли я жалею себя?» – думала я, помогая подруге убирать со стола. Ведь дедушка и бабушка потеряли своего сына, моего папу. На них свалилась ответственность за воспитание меня. А они вообще-то пенсионеры, и вряд ли могли подумать, что им придется на старости лет обеспечивать внуков. И дело даже не в деньгах. Можно предположить, как им тревожно видеть меня все время закрытой в раковине моего личного горя...

Мне вспомнилось, как дедушка недавно принес домой купленную на рынке тельняшку и гордо вручил мне. Рассказал, как в детстве я мечтала вот о таком наряде, так как желала стать моряком. Бабушка тогда тоже заулыбалась воспоминаниям, стала рассказывать, как я гостила у них летом на каникулах, строила себе корабль из коробок и простыни, оборудовала штурвал из проволоки и досок.

Я же тогда вяло посмотрела на эту принесенную дедом тельняшку, поблагодарила и ушла в комнату.

Сейчас мне вдруг стало стыдно за свое равнодушие к попыткам близких порадовать меня. Посидев еще немного для приличия, я засобиралась домой.

– Спасибо за кровати, – на прощание сказала я.

– Спасибо за брата, – ответила Лерка, смеясь. – Жду вас там же в девять вечера!

Придя домой, я увидела спящих на веранде Димкиных друзей. Бабушка с дедом шептались на кухне, советуясь, что приготовить на обед.

Я прошла в свою комнату, нашла в шкафу тельняшку и надела. Она была теплая, уютная и длинная, как ночная рубашка. Вновь выйдя, я поцеловала по очереди деда и бабушку, вернулась в комнату под их удивленными, но растроганными взглядами, обняла любимую куклу и легла спать.

Поздно вечером, когда вторая часть съемки танца Лерки на закате были закончена, мы снова кормили наших операторов шашлыками в беседке. Вечер был теплым и безветренным. Димка принес из дома гитару и спел несколько песен. Гости восторгались умением моего брата подбирать аккорды гитары к современным хитам, а я прониклась гордостью за брата.

Потом мы устроились у костра и стали печь хлеб.

– Димка, ты зови, если нужно будет еще что-нибудь поснимать, – жуя, сказал Антон.

Его брат радостно закивал и сказал:

– Обязательно приедем, тем более, здесь у вас такие таланты!

Я вновь возгордилась своей новоиспеченной подругой и, конечно умницей-братом, и улыбнулась. Вечер получился почти по-семейному уютным.

Засыпая второй раз за этот длинный день в своей тельняшке под звук льющейся в кухне воды и бабушкиной песни «Ромашки спрятались», я вдруг впервые за последний год почувствовала в себе какое-то слабо уловимое ощущение счастья.

А ведь, действительно, сегодня я была немного счастлива, можно в этом себе признаться. Вместе с одноклассниками я была охвачена единой целью, общей идеей. Мы все поддерживали Лерку: согревали ее между дублями, растирали полотенцем. Вместе пили чай из термосов, раздавали друг другу приготовленные бутерброды и печенье. Оказалось, что Лера все же пры-

гала не на камни во время своего танца, а на сооруженные мальчишками деревянные помосты, невидимо установленные в воде.

Впервые одноклассники стали называть меня по имени. Мы вместе шутили, смеялись, переживали, чтобы все получилось. А потом было такое милое завершение дня у костра.

И мне вдруг показалось, что, может быть, я еще могу радоваться жизни. С этими мыслями и с легкой улыбкой на губах я погрузилась в сон.

Ни перед сном, ни во сне я ни разу не вспомнила о том, что произошло со мной в походе.

Глава 6

Видео получилось из тех, которые чем больше пересматриваешь, тем больше тянет делать это снова и снова.

Как призналась Лера, большая заслуга в этом была ее «тайного режиссера, монтажера и специалиста по спецэффектам в одном лице».

– Я тебя как-нибудь с ним познакомлю, – пообещала подруга.

Отправили видео на конкурс в последний день заявленного периода приема работ, второго мая. Оказалось, что заготовка ролика была сделана давно, оставалось последнее и самое главное: провести съемку на берегу.

Как магнитом тянуло пересматривать ролик снова и снова. Вот начинается музыка, из медленной постепенно переходя в тревожную. На экране восход, окрашенный красными и черными разводами. В небе черные очертания самолетов, рев двигателей. Лера, передвигаясь по глади воды, взмахивает лентой, как бы рисуя силуэты, и эти силуэты переходят в фотографии солдат, уходящих на фронт, провожающих их женщин и детей.

Машины, танки, пулеметы, музыка убыстряется, в небе снова и снова появляются кадры под взмахами ленты. Затем – закат над лесом под аккомпанемент траурной музыки, очертания полей битв. Снова появляется Лера, танцует на берегу, переходит в воду, над водой робко начинает всходить солнце, идут кадры переправы по льду Ладожского озера. Работает Дорога Жизни.

Взрывы снарядов, взмахи ленты, но небо уже без красно-черных разводов, оно становится чистым и голубым. Завершается ролик кадрами прямо над головой гимнастки. Под музыкальную кульминацию переходы по воде в прыжках и взмахах оставляют графический след, и получается, что Лера как будто пишет над водой «9 мая 1945». Музыка стихает, дата остается на экране.

Я выдохнула. Ролик получился очень сильным.

Проводив брата на учебу, а деда на работу, мы с бабушкой еще несколько раз его пересмотрели и от души пожелали Лере победы в конкурсе.

Потом неожиданно для себя мне захотелось посмотреть старые фотоальбомы бабушки. Я осознанно отодвинула в сторону альбомы с фотографиями последних лет: я еще не была готова видеть взрослого папу и нашу семью в прежнем составе. Бабушка понимающе промолчала. Мы смотрели фотографии ее детства и юности, фото с их с дедом свадьбы и поездок на море. Потом в альбоме появился мой папа в смешном чепчике, затем в школьной форме с красным галстуком. На этой странице я альбом закрыла и предложила бабушке попить чаю.

Вечером мы с бабушкой впервые за последнее время вместе смотрели мелодраму. Бабушка объясняла мне сложные схемы связи героев, я кивала и улыбалась ее стараниям посвятить меня в сюжет ее сериала.

Перед сном я снова пересмотрела ролик. «Извини, Лера», – подумала я, открыла Инстаграмм, зашла на страницу ее мамы. Понимая, что рискую потерять единственную и недавно обретенную подругу, я загрузила и отправила ролик. Какая разница, как его оценят члены жюри. В любом случае это должен видеть тот, ради кого он снимался. Со мною рядом столько любимых людей, а Лерка почти всегда одна в том большом и не очень уютном доме.

Глава 7

Первый день в школе после долгих праздничных выходных показался мне началом какой-то новой нереальной жизни. Все останавливали Леру, выражая свое восхищение. Ролик быстро разошелся по телефонам школьников и учителей.

Но было еще кое-что новое: в отношении ко мне одноклассников произошла резкая перемена. Со мной все здоровались, чего раньше не бывало.

В столовой меня позвали сесть за общий большой стол, хотя раньше я ела одна – так повелось с моего первого дня пребывания в школе. Я попыталась поломаться и отказаться от присоединения к своим одноклассникам во время трапезы, но мой стул вместе со мной молча подняли и перенесли мальчишки. Лера переставила с моего одиночного стола тарелку и стакан. Жизнь в школе налаживалась.

После уроков я шла домой в приподнятом настроении, улыбалась весеннему солнцу, наслаждалась пением птиц и подставляла лицо ласковому теплому ветру.

Увидев на углу у забора буйно цветущую ольху, я подошла и решила отломить себе небольшую веточку. Поставив на землю пакет со сменной обувью, я уже собиралась выпрямиться и потянуться к дереву, как вдруг отчетливо увидела на уровне метра от земли чьи-то глаза. В щель между плетями забора на меня пристально смотрели, как будто специально низко нагнувшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.